

В передней зале Яньгу уже не оказалось. Люцзин вернулся на задний двор и остановился перед комнатой хозяина. Сквозь бумажные экраны лился ровный, яркий свет свечей — Яньгу явно ещё не ложился. Поколебавшись в нерешительности, Люцзин всё же тихонько постучал.

Три негромких, размеренных удара ещё отзывались в тишине двора, когда дверь отворилась. Яньгу стоял в проёме, оперевшись руками о косяки. Тёплый свет из глубины покоев очерчивал его силуэт, оставляя безупречное лицо в полутени.

Он, похоже, уже собирался ко сну: на нём была лишь простая белая нижняя рубаха, а длинные угольно-чёрные волосы мягкими волнами спадали на плечи. Тонкие пряди, растрепавшись на лбу, слегка прикрывали брови, из-за чего татуировка в виде бабочки-парусника у края глаза казалась живой, готовой вот-вот взмахнуть крыльями.

Яньгу был ослепительно, пугающе красив. Тонкие брови, будто выведенные чистым инеем, прямой точёный нос, бледная, почти прозрачная кожа, очерченные розовые губы и миндалевидный разрез глаз. В его глубоких зрачках плескалось холодное сияние луны. Глядя на него, Люцзин невольно застыл, замороженный этим зрелищем.

— Что-то случилось? — низкий, чарующий голос Яньгу мгновенно разрушил наваждение.

Люцзин смутился, мысленно отругав себя за то, что опять бесстыдно засмотрелся на чужую красоту.

— Мне нужно кое-что обсудить с тобой, — поспешно проговорил он.

Яньгу отступил в сторону, освобождая проход:

— Заходи.

Люцзин переступил порог. Комната оказалась просторной и светлой, пахнувшей тонким, едва уловимым ароматом сандала. В целом спальня Яньгу мало чем отличалась от его собственной, за одним исключением. Оглядевшись, у письменного стола он заметил подвешенный на стойке свиток. На шёлке был изображён человек в алом одеянии, стоящий спиной к зрителю; его голова была слегка повёрнута, но рассмотреть черты лица не удавалось. Слева от фигуры тянулись строки изящных иероглифов. Присмотревшись, он обомлел: это были именно те стихи, которые декламировал незнакомец в море багряных цветов в день его пробуждения.

"Кто же этот человек на картине? Тот, кто сочинил эти строки?"

Ведомый любопытством, Люцзин сделал шаг к столу, напрочь позабыв, что находится в чужой спальне, но тихий голос Яньгу вернул его к реальности:

— Так о чём ты хотел поговорить?

— Эта картина... — Люцзин замялся, но всё же не удержался от вопроса: — Кто на ней изображён?

Яньгу проследил за его взглядом. На пожелтевшем от времени шёлке выступили старые чернила — свиток явно хранили бережно многие годы, и лёгкий налёт старины лишь придавал ему благородства.

— К чему этот вопрос? — тихо спросил Яньгу. В его голосе скользнуло едва заметное удивление.

Люцзину отчаянно хотелось выяснить, кем он был в прошлой жизни.

— Возможно... он знает, кто я такой.

Яньгу посмотрел на картину, и на его лицо набежала глубокая, щемящая тень уныния.

— Он мёртв, — глухо отозвался он. — Давно мёртв.

Иного и быть не могло. Люцзин расспрашивал Цзюцина: тринадцатый год девиза правления Баонянь миновал больше шестидесяти лет назад. То, что изображённый на свитке человек давно обратился в прах, не должно было удивлять. И всё же в его груди защемило от горького разочарования — едва забрезжившая ниточка надежды оборвалась, так и не успев никуда привести.

Справившись с чувствами, он заставил себя вернуться к тому, ради чего пришёл:

— Я хочу отправиться в мир смертных.

С тоскливым выражением лица Яньгу было покончено столь быстро, словно оно Люцзину лишь померещилось.

— Прямо сейчас? — приподнял он бровь.

Люцзин решительно кивнул:

— Именно сейчас.

Яньгу искренне не понимал его мотивов. Люцзин ведь уже выяснил, что может беспрепятственно покидать пределы Фэнду. К чему эти церемонии?

— Тебе нет нужды отчитываться передо мной.

Видя его безучастность, Люцзин замялся, соображая, как подступиться к просьбе.

— Я собираюсь в Южный округ, чтобы разыскать Синьи.

— Ну так ступай, — пожал плечами Яньгу.

Не признаваться же, в самом деле, что он банально не знает дороги?

— Путь до Южного округа неблизкий, — заговорил Люцзин как можно мягче, надеясь, что намёк будет понят. — И я не знаю, сколько времени у меня уйдёт на дорогу.

"Пожалуй, это самая деликатная ложь, которую я когда-либо пытался выдать"

Яньгу не удержался от короткого смеха:

— Хочешь, чтобы я стал твоим проводником?

"До чего же догадливый!" — восхитился про себя Люцзин, а вслух елеинным голосом произнёс:

— Ваше великодушие не знает границ, господин Яньгу. Я по гробовую доску буду вам признателен, хоть и не представляю, как отблагодарить за подобную милость.

— Не представляешь? — Яньгу порочно и дразняще улыбнулся.

Он медленно двинулся вперёд, шаг за шагом оттесняя Люцзина, пока тот не упёрся лопатками в массивную деревянную колонну. Яньгу зажал его в ловушку между столбом и собственным телом. Статный, высокий, он нависал над Люцзином, подавляя своей властной аурой.

— Я ведь уже говорил, что бываю на редкость щедр к тем, кто мне по душе, — вкрадчиво прошептал он, приблизив лицо почти вплотную. — Так что я совсем не прочь... принять... плату... твоим... телом.

Яньгу выговаривал каждое слово весомо и неторопливо. От его близости и этой двусмысленной ухмылки у Люцзина перехватило дыхание, а пульс пустился вскачь. Он отчаянно забегал глазами, не зная, куда деваться от этого пронзительного взора.

— Го... господин... вы опять изволите шутить надо мной, — с трудом выдавил он из себя.

Яньгу наклонился ещё ниже. Расстояние сократилось до предела, Люцзин отчетливо ощущал тонкий аромат сандала и тепла, исходящий от его кожи, что лишь усугубляло панику.

— И вовсе не шучу, — прошептал Яньгу, глядя прямо в губы собеседника. — Мои чувства к тебе чисты и глубоки как никогда.

"До чего же искусно лает, чертяка!" — в сердцах подумал Люцзин.

Яньгу давно не видел его таким: растерянным, притихшим, с робким и мягким взглядом. Это зрелище пробудило в его душе сладостное, непреодолимое желание.

Дыхание над головой замерло. Люцзин, пребывая в каком-то оцепенении, решил поднять глаза, но то, что он увидел, окончательно лишило его покоя.

Не успел он вскинуть голову, как Яньгу стремительно подался вперёд. Его губы, прохладные и мягкие, накрыли губы Люцзина. Разом ошеломлённый этим внезапным поцелуем, Люцзин застыл, боясь даже вздохнуть. Его глаза округлились от изумления.

Длинные пушистые ресницы Яньгу подрагивали — он и сам, похоже, отчаянно волновался. Ожидая, что его вот-вот грубо оттолкнут, Яньгу зажмурился и не видел, что Люцзин просто оцепенел от испуга. Поняв, что сопротивления нет, он осмелел и осторожно коснулся кончиком языка его губ, углубляя поцелуй.

Влажное, нежное прикосновение мгновенно вывело Люцзина из ступора. По телу пробежала горячая дрожь. Опомившись, он упёрся ладонями в грудь Яньгу и резко оттолкнул его от себя.

Яньгу покачнулся и отступил на пару шагов. В его глазах на мгновение отразилось изумление, которое он тут же поспешил скрыть. Заметив, что Люцзин упорно отводит взгляд, он кашлянул и невозмутимо произнёс:

— Подожди меня здесь. Я только переоденусь.

Люцзин был безмерно благодарен ему за то, что тот не стал развивать тему. Видит небо, его собственное сердце колотилось так бешено, что, казалось, сделай он вдох — и оно выскочит из груди.

Яньгу скрылся за ширмой, откуда почти сразу донёсся тихий шорох переодевания. Воспользовавшись этим, Люцзин торопливо выскочил во двор, подставив пылающее лицо прохладному ночному ветру, чтобы хоть как-то привести мысли в порядок.

"Это была просто дурацкая шутка, — лихорадочно убеждал себя Люцзин. — С чего бы ему увлекаться мужчинами? Наверняка просто дразнил меня!"

Пока он пытался унять внутреннее смятение, со стороны дверей раздались шаги.

Яньгу притворил за собой дверь и подошёл к нему:

— Идём.

Люцзин молча последовал за ним. Они покинули тихий дворик и вышли за ворота Терема Лунного Сияния.

Люцзин впервые воочию созерцал Врата Духов. Будучи главным аванпостом Фэнду, эта застава поражала своим мрачным величием. Окружённая неприступными, вековыми стенами, она казалась грозной, вечной твердыней. От её чёрного камня веяло замогильной стужей, пробирающей до самых костей.

Несущие дозор призрачные стражи, заведя приближающегося Яньгу, пали на колени:

— Приветствуем владыку Янь-вана! Приветствуем господина судью!

Яньгу лишь небрежно махнул рукой, веля им подняться.

Люцзин с любопытством оглядывал колоссальные своды, шагая вслед за спутником. Обернувшись у самого выхода, он заметил на потемневшей от времени, похожей на запекшуюся кровь вывеске три высеченных грозным стилем иероглифа: «Врата Духов».

За порогом Врат тянулся Древний путь густых лесов, ведущий напрямик в мир смертных. Однако Яньгу не собирался тратить время на пешие прогулки. Отойдя на десяток шагов, он остановился:

— Ты ведь владеешь техникой перемещения. Просто сосредоточься на месте, куда нам нужно.

Люцзин едва успел кивнуть, как Яньгу крепко сжал его ладонь. В ту же секунду пространство вокруг них исказилось. В ушах взвыл неистовый ураган, а очертания тропы мгновенно растворились в бескрайней серой дымке.

Когда Люцзин снова открыл глаза, они уже стояли перед массивными воротами Южного округа. Впервые после пробуждения он ступил на землю смертных. Почва под ногами казалась непривычно твёрдой и надёжной, а витающие в воздухе ароматы цветов и нежный шелест ветра были сотканы из самой жизни.

Над головой висел бледный серп луны, отбрасывая зыбкие тени. В мире смертных давно миновала полночь — время, когда тёмная энергия Инь достигает своего пика, окутывая землю леденящим, почти осязаемым могильным холодом, столь похожим на воздух Дифу.

Тяжёлые ворота Южного округа были заперты наглухо, и лишь редкие часовые лениво

расхаживали по крепостной стене.

— Так вот он какой, мир живых... — прошептал Люцзин. Даже запертые ворота не могли унять его мальчишеского восторга.

Яньгу негромко вздохнул:

— Не забывай, ради чего мы здесь.

Люцзин обиженно покосился на спутника, недовольный тем, что тот так безжалостно развеял его восторженное настроение.

Яньгу сделал вид, что не заметил этого взгляда, и продолжил:

— Семья Цюй в Южном округе у всех на слуху. Найти их дом труда не составит.

Цюй Му владел несметными богатствами, так что его имя действительно гремело на весь округ.

— Откуда ты знаешь, что мне нужно именно к Цюям? — спросил Люцзин, но тут же осёкся. В его памяти всплыли оброненные когда-то Яньгу загадочные слова, смысл которых дошёл до него лишь теперь. — Ты... с самого начала знал, что Синь снова вышла замуж?

— Думаешь, для меня так сложно разузнать подобное? — отозвался вопросом на вопрос Яньгу.

Действительно, глупый вопрос. Великому Янь-вану подвластны любые тайны смертного мира.

— Тогда почему ты промолчал? — Люцзин почувствовал укол досады.

Вечно Яньгу так: скрывает очевидное до последнего, точно так же, как утаил возможность свободно выходить из Фэнду.

"И тот поцелуй... Наверняка очередная издевка. Просто дурацкая забава"

— Я намекал тебе, — мягко возразил Яньгу.

Люцзин готов был лопнуть от злости на этого невозмутимого господина — будь он живым человеком, его бы удар хватил. Смерив Яньгу ледяным взглядом, он решительно зашагал к крепостной стене и прошёл сквозь ворота Южного округа. Проходивший мимо караульный с копьём наперевес внезапно съёжился и шумно застучал зубами от нахлынувшего из ниоткуда могильного сквозняка.

Смертным не дано узреть призрачного небожителя, если тот сам не пожелает явить себя миру. В этот глухой час Южный округ спал безмятежным сном, однако обострённый слух Люцзина улавливал далёкое, едва различимое эхо ночной жизни города.

Земля смертных разительно отличалась от мрачной преисподней. Даже погружённый во тьму, этот мир оставался живым и многоцветным, а его ночные шорохи таили в себе неизъяснимое очарование.

Длинные извилистые улочки тонули в полумраке, среди высоких силуэтов домов. В тусклом свете редких фонарей белели оштукатуренные стены и тускло поблёскивали черепичные крыши с загнутыми кверху карнизами. Всё дышало покоем. Люцзину нестерпимо хотелось помедлить, впитывая красоту живого мира, но время поджимало — следовало как можно скорее разыскать Синь.

Стоило ему мысленно представить обитель Цюй Му, как пространство сжалось, и в следующее мгновение он уже стоял у входа в поместье Цюй. Перед ним высилась роскошная усадьба: грозные каменные львы у ворот, массивная лакированная дверь багрового цвета и величественная вывеска с золотыми иероглифами. Внутри царил безмолвие.

Люцзин уже занёс ногу, собираясь пройти сквозь запертые створки, когда за его спиной сооткался алый силуэт Янгу:

— Погоди, Люцзин.

Только услышав этот негромкий окрик, Люцзин вспомнил, что прибыл сюда не один.

Янгу неспешно приблизился и остановился плечом к плечу с ним:

— Во дворе сторожевые псы. Не стоит соваться напролом.

Животные прекрасно видят обитателей потустороннего мира. И пусть Люцзин пришёл с миром, поднятый собаками лай всполошит всю округу.

— И как нам быть? — шёпотом спросил Люцзин.

— Чего именно ты хочешь добиться от Синь? — поинтересовался Янгу.

Люцзин сообразил, что так и не посвятил спутника в свой замысел.

— Я хочу проникнуть в её сновидение и убедить завтра же отправиться в поместье Вэй.

Яньгу на мгновение задумался, анализируя услышанное.

— Допустим, ты совладаешь с её снами, — заговорил он после недолгой паузы. — Но она тебя знать не знает. С какой стати ей верить первому встречному призраку и бежать к Вэю?

Люцзин заговорщически улыбнулся:

— Именно поэтому мне и понадобилась твоя помощь! Твои силы безграничны, и ты наверняка в совершенстве владеешь искусством иллюзий. Прими облик Вэй Чжюэ и явись к ней во сне. Скажи, что завтра Цзюцин вернётся, чтобы повидаться с ней, и убеди её поехать в дом Вэй. Тогда, встретившись с ней там, Цзюцин ни о чём не догадается.

Яньгу недовольно нахмурил брови:

— Ты по-прежнему намерен скрывать правду от Цзюцина?

Люцзин тяжело вздохнул. Вовсе не из упрямства он затеял эту ложь — просто язык не поворачивался разрушить чужие надежды.

— Цзюцин ждал её долгих двадцать лет, — тихо проговорил он. — Как, по-твоему, он перенесёт это известие? Путь в Сансару для него закрыт, человеческий век ему больше не сужден. Если мы можем продлить его покой хотя бы на год, мы обязаны это сделать.

Яньгу силился выдавить усмешку, но губы не слушались его. Какая злая, беспощадная ирония! Люцзин, который когда-то без малейших сомнений растоптал чужую преданность, теперь рассуждал о тяготах долгого ожидания. Когда-то Яньгу любил его без памяти, готовый отдать всё, а взамен получил лишь холодное: «У меня не было иного выхода». По сравнению с его собственными муками, сквозь которые он прошёл, чего стоили страдания неизвестного Цзюцина?

— Но не кажется ли тебе, что эта ложь куда более жестока, чем правда? — спросил Яньгу. Люцзину почудилось, что в его негромком голосе проскользнула бесконечная, затаённая тоска.

— Жестоко — лишать надежды того, кто готов смириться, — покачал головой Люцзин. — Но Цзюцин... он не сможет отпустить своё прошлое. Он просто сломается.

Яньгу потрясённо молчал, не веря собственным ушам. Из уст легкомысленного Люцзина эти слова звучали пугающе мудро.

Яньгу на мгновение замер, всматриваясь в его лицо, а затем тихо вздохнул:

— Будь по-твоему.

Едва сорвались с губ эти слова, как его алый силуэт растаял в ночном воздухе. Поняв, что Яньгу проник в поместье, Люцзин бесшумной тенью взмыл на черепичную крышу, чтобы сверху следить за происходящим.

Вскоре в одном из флигелей на заднем дворе слабо колыхнулось пламя свечи. Это означало лишь одно: Яньгу успешно соткал иллюзию и проник в сон Синьи. Не смея мешать, Люцзин затаился среди резных карнизов, терпеливо ожидая возвращения спутника.

Минуло около четверти часа, прежде чем пламя за бумажной ширмой снова беспокойно заплесало. В тот же миг Люцзин ощутил дуновение прохладного ветра, и рядом с ним соткался алый шёлк чужого одеяния.

— Ну как? Получилось? — нетерпеливо спросил он.

Яньгу молча кивнул в ответ.

Облегчённо выдохнув, Люцзин расплылся в улыбке и почтительно сложил ладони у груди:

— Премного благодарен, господин Янь-ван.

Яньгу отвернулся, скрывая лёгкое смущение:

— Возвращаемся.

Алой птицей он скользнул вниз с конька крыши, бесшумно приземлившись на каменные плиты пустынной улицы.

Люцзин поспешил следом, на ходу оглянувшись назад. Поместье семьи Цюй покоилось в безмятежном сне. Ни одна живая душа в этом доме так и не узнала, что этой ночью их покой потревожили незваные гости из самого царства мёртвых.

<http://bllate.org/book/18339/1819829>